

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>

World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2020, №4, Том 11 / 2020, No 4, Vol 11 <https://sfk-mn.ru/issue-4-2020.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/50SCSK420.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Петрулевич И.А. Показатели нормативного диссонанса в социальной сфере российского общества // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2020 №4, <https://sfk-mn.ru/PDF/50SCSK420.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Petrulevich I.A. (2020). Indicators of regulatory dissonance in the social sphere of Russian society. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, [online] 4(11). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/50SCSK420.pdf> (in Russian)

УДК 316

Петрулевич Ирина Анатольевна

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону, Россия

Институт истории и международных отношений

Профессор кафедры «Специальных исторических дисциплин и документоведения»

Доктор социологических наук, доцент

E-mail: iapetrulevich@sfedu.ru

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=565599

Показатели нормативного диссонанса в социальной сфере российского общества

Аннотация. Нормативный диссонанс порожден новыми качествами и характером социальной структуры российского общества. В статье разрабатывается социологический инструментарий изучения нормативного диссонанса как результат деформации нормативно-ценностной системы российского общества. Предлагается система его показателей в социальной сфере, которые позволяют конкретизировать закономерности его проявления. Они могут выступать основанием для его противоположности – нормативного согласования. Предварительный анализ предпосылок и условий возникновения нормативного диссонанса в социальной политике российского государства позволил выявить следующие характеристики его проявления: зависимость диспозиций социальных групп и индивидов от характера социальной структуры российского общества; массовое неприятие либеральных «правил игры» и безразличие к гражданским правам и свободам; отсутствие соответствующих представлений и знаний у министров о состоянии и развитии закреплённых за ними сегментов социальной сферы; несоответствие стандартов в социальной сфере современной России международным нормам и критериям.

Ключевые слова: нормативный диссонанс; социальная структура российского общества; нормативное согласование; социальная сфера российского общества

Функциональные свойства нормативного диссонанса и его показатели

Теоретические предпосылки нормативного диссонанса в социальной сфере современной России, а также условия его действия в социальной политике современного государства предполагают разработку его социальных показателей. Нельзя претендовать на создание исключительно доказательной базы для всех характеристик нормативного диссонанса. Они и в нашем скромном опыте, и в солидном научном изучении не являются исчерпывающими. Их

следует понимать как относительные. В действительности нормативный диссонанс соотносится со многими и разными явлениями и процессами общественной жизни, которые находятся в постоянном движении и подвержены изменениям. Значит, для его выделения и обобщения понадобятся новые основания и показатели.

Предельно абстрактная функциональная характеристика нормативного диссонанса в общественных связях и отношениях заключается в отсутствии там всяких норм, образцов, ориентиров и т. п. Тем самым нормативный диссонанс как бы отрицает всё, что до него или после него возымело/возымеет конструктивную силу и общественную поддержку. В этом своём качестве он одинаково пригоден и для оправдания социальной политики постсоветского государства, и для её критики. Кроме того, нормативный диссонанс как бы отвергает порядок, устанавливаемый с помощью предшествующей нормативно-ценностной системы, и препятствует установлению нового порядка. Следовательно, «нормативный диссонанс – результат деформации нормативно-ценностной системы российского общества... Как социальный механизм он направлен на возмещение нарушенных и поврежденных противоречивым ходом социетальной трансформации состава и функций нормативно-ценностной системы страны» [1, с. 672].

Но представляется недостаточным связывать нормативный диссонанс с только его отрицательным содержанием и останавливаться в его познании на однозначных умозаключениях. У нормативного диссонанса есть предел, ограничитель – его противоположность, которая в своей функциональной характеристике, в отличие от нормативного диссонанса, что-либо утверждает и обеспечивает (во временной характеристике – до, во время и после него). Противоположностью нормативного диссонанса является нормативное согласование (однородный и противоположный диссонансу термин – «консонанс от фр. *consonance* (лат. *consonare* «звучать в унисон, согласоваться») – муз. благозвучное, согласованное сочетание одновременно звучащих звуков»)¹, подчинение каких-либо действий, вещей, отношений их упорядоченным в общественном и индивидуальном сознании значениям, нормам, образцам и т. д. В нашей упрощённой формулировке нормативный консонанс – согласование сущего с должным. В действительности и нормативный диссонанс, и его противоположность есть лишь две стороны одной объективной данности (действия, вещи, системы, процессов и др.), они существуют и проявляют себя с разным потенциалом и в разных пропорциях только при условии развития, изменения этой данности.

Итак, для конкретизации функциональных свойств нормативного диссонанса в социальной сфере нашей страны можно обратиться к прямым и косвенным данным, предел которых определяется фактами нормативного консонанса. В фактах нормативного консонанса могут «скрываться» ограничения, не соответствующие российской действительности, но здесь важно уяснить их практическую значимость и противоположность по отношению к тем рассогласованиям, несоответствиям, имеющим место в нашей стране, точнее, в её социальной сфере.

Зависимость диспозиций социальных групп и индивидов от характера социальной структуры российского общества

Нормативный диссонанс порожден новыми качествами и характером социальной структуры российского общества. В течение тридцати лет социетальных преобразований социальная структура российского общества приобрела классовый формат. В нем отчетливо

¹ Словарь иностранных слов: свыше 210000 слов (отв. Редакторы В.В. Бурцева, Н.М. Семенова). – 6 изд., стереотип. – М.: Рус. Яз. – Медиа; Дрофа, 2009. – 793 с.

выражена вертикальная стратификация, расслоение и неравенство социальных групп, общностей и индивидов по отношению к бюрократически подчинённым источникам и способам обеспечения необходимыми ресурсами (экономическими, властными, социальными, культурными). Соответственно социально-экономические и территориальные иерархии в связях и отношениях людей определяют восприятие ими условий своей жизнедеятельности, их ценностные ориентации и установки, т. е. их диспозиции [2]. Зависимость диспозиций социальных групп и индивидов от их места в классово-антагонистической структуре российского общества – благодатная почва для действия нормативного диссонанса.

В социальной структуре российского общества очевидна несоразмерность между трудоспособными группами населения [3]. Часть из них «отданы на откуп» нелегитимному, теневому рынку труда. Вместе с люмпенизированным слоем (экономически неактивного населения) они формируют те диспозиции, которые связаны, прежде всего, с их личными и семейными интересами, а не общественными потребностями либо государственными установлениями². Уровень и качество воспроизводства человеческого капитала характеризуется высоким разрывом в доходах 10 % самых богатых и 10 % самых бедных, совокупное богатство долларовых миллиардеров возрастает, несмотря на экономический кризис; растёт разрыв в уровне валового внутреннего продукта по регионам; возрастет доля населения, принадлежащего к люмпенизированному слою.

У социально-экономической структуры российского общества есть важный коэффициент, величина, содействующая социальному значению происходящих в ней процессов стратификации. Это – национальное богатство страны, которое в научной литературе определяется как совокупность всех материальных и нематериальных активов, созданных человеком на территории определённой страны (основные и оборотные фонды). Сюда также входят природные ресурсы и люди с их знаниями, профессиональными умениями и потребностями (человеческий капитал, или ресурсы). Есть разные трудности в измерении национального богатства страны; экономические эксперты статистически устанавливают фонды, сырьё, доли государственного и негосударственного секторов экономики, количество и качество населения, но многие качественные и динамические показатели пребывают условными. Национальное богатство России все больше и больше превращается в транснациональный сегмент мирового богатства. Значительна доля иностранного капитала в экономике России, в том числе в имуществе, в прибылях и особенно в акциях.

Таким образом, российская правящая элита в своём контроле новых «правил игры», формально-правовых установлений либерального типа, оказывается в прямой зависимости от главных глобальных игроков и менее всего ориентируется на общественные запросы и социальные ожидания. Легализованный её «институциональный каркас» пребывает в режиме стихийного и самодетельного усвоения и приспособления со стороны большинства населения страны, что порождает внутренние противоречия, нормативный диссонанс в их диспозициях.

Массовое неприятие либеральных «правил игры» и безразличие к гражданским правам и свободам

В массовом сознании российского общества содержится достаточно устойчивое представление о том, что реальные права и свободы обеспечиваются не законом, а неким «правом сильного», которое проявляется в неравномерном распределении трудовых мест и доходов, чрезмерном повышении цен на потребительские товары и услуги, сужении сферы

² Трудовые ресурсы // Федеральная служба государственной статистики Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/labour_force.

социальных гарантий и защиты и т. п. По данным некоторых социологических опросов, подобные представления отражают сложившиеся в стране правовые отношения³. Исследователи обращают внимание на то, что «утрата ряда значимых прав, будучи формально освящённой новым законодательством, воспринимается основной массой населения как нелегитимная, «неправовая». Провозглашённые и реализованные «новые экономические и политические права либерального образца вытеснили ряд дореформенных прав и гарантий», а ослабленный государственный контроль над соблюдением новых правовых норм поспособствовал распространению неправовых практик и неформальных норм взаимодействия на всех уровнях социального пространства.

Особое внимание исследователей направлено на анализ показателей, наглядно характеризующих эффективность государственного управления в преодолении социального неравенства и достижении социальной справедливости [4–6].

В массовом сознании россиян присутствует отчетливое представление об опорах чаемого общественного устройства: правовая защищённость граждан и социальная справедливость. В этой «русской мечте» социальные права преобладают над политическими, сильно выраженное чувство социальной справедливости не соотносится социальными обязательствами и солидарностью с другими людьми. Согласно результатам международного социологического исследования, российский социум – наиболее атомизированный в современном мире. Основа такой разобщённости лежит не столько в «живости» прошлого опыта, сколько в характере общественных связей и отношений. «Правящая элита, – считает М.К. Горшков, – сводит демократию исключительно к сфере политики и выборным процедурам» [7, с. 124]. А запущенная к выборам пропагандистская машина «с эксплуатацией эмоциональных механизмов страха, трансляцией провальных реформ 90-х гг. или «злодеяний» коммунистов в прошлом веке, порождает в общественных настроениях апатию и недоверие к любым формам гражданского объединения.

Следовательно, несоответствие социально-экономических возможностей и ожиданий большинства россиян либеральным «правилам игры» сопровождается их апатией к защите своих гражданских прав, что обеспечивает проявление нормативного диссонанса в социальном регулировании [8–10].

Отсутствие соответствующих представлений и знаний у министров о состоянии и развитии закреплённых за ними сегментов социальной сферы

Как известно, функции и полномочия министров и министерств, осуществляющих государственную политику в социальной сфере, законодательно закреплены, однако их реализация зависит от многих внешних реальных условий и факторов, в первую очередь, от действующей в стране формы государственного руководства. Между тем, совокупность внешних зависимостей взаимодействует с внутренним (имманентным) фактором – способностями руководителя, в частности, с его умением понимать и оценивать реальную ситуацию на вверенном ему участке деятельности. Имеется в виду одна из важных компетенций государственного управленца – реализм восприятия и мышления. По части этой компетенции у россиян есть красноречивые свидетельства её несостоятельности у руководства социальной сферой.

В настоящее время пенсионное страхование в ходе его очередного реформирования охватит в своей расходной части только «учтённых» работников. В стране с неразвитым

³ Исследование: 25 % россиян сталкивались с нарушением своих прав за последний год. ТАСС 20 ноября 2018. URL: <https://tass.ru/obschestvo/5811886>.

рынком труда и неравнозначными социально-экономическими позициями такой порядок пенсионного страхования с фиксированным взносом для всех групп трудоспособного населения – движущая сила дальнейшего расслоения и неравенства. Исходный момент нынешних мероприятий в пенсионном страховании указывает на отсутствие у исполнительной власти нужных, более адекватных представлений и знаний о социальной структуре российского общества.

Особый случай «креативной» неадекватности представлений и знаний демонстрируют в течение последних десяти лет руководители Министерства образования и науки (до 2018 г.) и Министерства науки и высшего образования. Материалов критики и массовых оценок их несоответствующей объективным условиям и общественным потребностям деятельности за это время накопилось великое множество. Они касались критериев «эффективности» деятельности вузов: среднего балла ЕГЭ, объема цитирования научной продукции, доли иностранных учащихся, общей площади аудиторий, трудоустройства выпускников.

Однако начавшийся в 2006 г. процесс оптимизации вузов, по мнению министра В.Н. Фалькова, «получил поддержку в профессиональном сообществе и в целом был позитивно воспринят в обществе, и накоплен богатый очень опыт»⁴.

Следовательно, сфера для «креативных» реформ выбрана рискованная – подрастающий «человеческий капитал» страны и устоявшаяся с передовыми международными показателями система институтов их воспроизводства. В результате весь цивилизованный мир проводит политику обеспечения современной экономики соответствующими высокопрофессиональными кадрами и давно отказался от тестовой подготовки узко ориентированных специалистов, тогда как в российской образовательной политике эти «инновации» активно внедряются.

Несоответствие стандартов в социальной сфере современной России международным нормам и критериям

Свидетельством является установление государством минимальной заработной платы, где стандарт – это должное; в отношении к заработной плате он законодательно закреплённая социальная гарантия, не допускающая понижения заработной платы или её невыплаты.

Сотрудничество с Международной организацией труда (МОТ) обязывает российскую власть действовать в соответствии с принятыми там рекомендациями. В отношении стандарта минимальной заработной платы ими является Конвенция МОТ № 131⁵. В ней сформулированы критерии определения уровня минимальной заработной платы, общего уровня оплаты труда, социальных пособий, поддержания занятости и др. Согласно международным нормам, минимальная зарплата должна быть не менее 3 долларов в час.

Отличие российского стандарта МРОТ от международной нормы, по определению, обнаруживают нормативный диссонанс. Тем не менее, он легализует некий набор социальных гарантий для россиян, создает видимость выведения максимального количества граждан за пределы нижней границы нормы. Он по всем показателям не может обеспечить удовлетворение базовых потребностей жителя нашей страны, но его регулирующего воздействия достаточно для развития неправовых практик и противозаконных действий в социально-экономических

⁴ Министр науки разъяснил процесс оптимизации вузов // Взгляд. Режим доступа: <https://vz.ru/news/2020/2/10/1022908.html>.

⁵ Конвенция МОТ № 131 «Об установлении минимальной заработной платы с особым учетом развивающихся стран». Режим доступа: <http://base.garant.ru/2541296/>.

отношениях. В частности, «соотношение минимальной и средней заработной платы (за вычетом налогов) не должно быть ниже 60 %. Только в отдельных случаях допустимо его понижение до 50 %. Индекс Кейтца в России по состоянию на первый квартал 2020 года составляет около 23,9 %»⁶.

Заключение

В нормативно-правовом регулировании развитых стран действуют, в основном, социально значимые запреты, автоматически разрешающие всё за их пределами. У этих регуляторов два направления: по отношению к индивиду и по отношению к государству. Свободу индивиду обеспечивают его законопослушность, моральность и профессионализм. Государству нельзя нарушать права человека и гражданских свобод (свободу слова и совести, гражданства, передвижения, прав частной собственности и занятий предпринимательством). Независимые друг от друга структуры власти и гражданское общество обеспечивают контроль соблюдения этих государственных «табу». Со своей стороны государство берёт на себя обязательства в области социальной защиты, образования, охраны здоровья, культуры, обеспечения социальным жильем и др. В социальной сфере эффективность социальной политики определяется преодолением социальной разобщённости, повышением качества жизни, взаимной ответственностью на основе социальной справедливости (равнозначности всех видов человеческого труда) и социального партнёрства.

Что мы наблюдаем в России? Множество нормативно-правых документов не согласуются с Основным законом и нарушают социально-экономические права россиян. Так, Федеральный Закон № 83 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» предусматривает сокращение бюджетных расходов на социальную сферу с помощью «привлечения внебюджетных источников финансирования». Иначе говоря, он легализует коммерциализацию в учреждениях здравоохранения и образования и выводит государство за пределы его социальных обязательств.

Следовательно, государственное регулирование с помощью двойных стандартов актуализирует проблему нормативного диссонанса как результата деформации нормативно-ценностной системы в социальной сфере современного российского общества. Действительное содержание нормативного диссонанса не ограничивается вышеперечисленными показателями. Но уже эти его характеристики позволяют конкретизировать закономерности его проявления.

⁶ Соотношение МПОТ и средней заработной платы // Международная организация труда. Режим доступа: https://www.ilo.org/moscow/areas-of-work/wages/WCMS_550032/lang--ru/index.htm.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петрулевич И.А., Чернобровкина Н.И. Нормативный диссонанс как результат деформации нормативно-ценностной системы российского общества // Социальная стратификация в цифровую эпоху: к 130-летию со дня рождения Питирима Сорокина: XIII Международная научная конференция «Сорокинские чтения – 2019»: Сборник материалов. – М.: МАКС Пресс, 2019. – 1604 с. (Электронное издание комплексного распространения).
2. Денисова Г.С. Ценностная основа консолидации российского общества в представлениях населения ростовской области: сравнительный анализ по этническим группам // В сборнике: Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 50-летию первого этносоциологического исследования в СССР. Под редакцией Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой, Л.В. Сагитовой. 2018. С. 273–277.
3. Волков Ю.Г. Общество травмы: поиск пути исцеления (приглашение к дискуссии) // Социологические исследования. 2020. № 9. С. 16–27.
4. Комкова Г.Н. Проблемы обеспечения равенства и справедливости на современном этапе конституционного развития России // Вестник СГЮА. 2018. №2 (121). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-obespecheniya-ravenstva-i-spravedlivosti-na-sovremennom-etape-konstitutsionnogo-razvitiya-rossii> (дата обращения: 25.11.2020).
5. Кошарная Г.Б., Щанина Е.В. Социальная справедливость в представлениях пожилых людей // Социально-экономические явления и процессы. 2016. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-spravedlivost-v-predstavleniyah-rozhilyh-lyudey> (дата обращения: 27.12.2020).
6. Ильин В.А., Морев М.В. «Российская Федерация – социальное государство?» Оценка 25-летних итогов реализации статьи 7 Конституции РФ // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-federatsiya-sotsialnoe-gosudarstvo-otsenka-25-letnih-itogov-realizatsii-stati-7-konstitutsii-rf> (дата обращения: 27.12.2020).
7. Горшков М.К. Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа. М.: Весь Мир, 2018. – 384 с.
8. Петрулевич И.А. Правовой нигилизм в России в условиях менеджеристской модели государственного управления // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8. № 6. С. 328–335.
9. Трофимова И.Н. Граждане в защите своих прав: мотивы и возможности // Социологический журнал. 2015. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdane-v-zaschite-svoih-prav-motivy-i-vozmozhnosti> (дата обращения: 27.12.2020).
10. Лубский А.В., Войтенко В.П. Социальная справедливость как индикатор национальной идентичности в России // В сборнике: Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов. Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса. Отв. редактор В.А. Мансуров. 2020. С. 435–444.

Petrulevich Irina Anatolyevna

Southern federal university, Rostov-on-Don, Russia

History and international relations institute

E-mail: iapetrulevich@sfnu.ru

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=565599

Indicators of regulatory dissonance in the social sphere of Russian society

Abstract. Normative dissonance is generated by new qualities and the nature of the social structure of Russian society. The article develops a sociological toolkit for the study of normative dissonance as a result of the deformation of the normative-value system of Russian society. A system of its indicators in the social sphere is proposed, which allow concretizing the patterns of its manifestation. They can serve as the basis for its opposite – normative agreement. A preliminary analysis of the prerequisites and conditions for the emergence of normative dissonance in the social policy of the Russian state revealed the following characteristics of its manifestation: the dependence of the dispositions of social groups and individuals on the nature of the social structure of Russian society; mass rejection of liberal "rules of the game" and indifference to civil rights and freedoms; lack of relevant ideas and knowledge among ministers about the state and development of the social sectors assigned to them; inconsistency of standards in the social sphere of modern Russia with international norms and criteria.

Keywords: normative dissonance; social structure of Russian society; normative coordination; social sphere of Russian society